

### 3. ФРЕЙД. АГРЕССИЯ: МЕЖДУ ЭРОСОМ И ТАНАТОСОМ

© 2021 г. В. Н. Жуков

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;  
Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*

*E-mail: pifagor2002@mail.ru*

Поступила в редакцию 21.07.2021 г.

**Аннотация.** В статье рассматривается концепция агрессии З. Фрейда. Агрессия показывается как биологический феномен, взаимодействующий с культурой. Согласно Фрейду, биологические явления (в том числе жизнь людей) пронизывают два стремления: инстинкт жизни и инстинкт смерти. Цель жизни — смерть, а сама жизнь — частный случай неживой материи. Агрессия есть проявление инстинкта смерти. Поскольку культура, призванная сдерживать индивидуальную и массовую агрессию, сама пронизана обоими инстинктами (Эросом и Танатосом), исход борьбы между ними неизвестен.

**Ключевые слова:** Фрейд, психоанализ, антропология права, философия культуры, философия права, философия политики, агрессия, инстинкты, власть, право.

**Цитирование:** Жуков В.Н. З. Фрейд. Агрессия: между Эросом и Танатосом // Государство и право. 2021. № 11. С. 37–47.

DOI: 10.31857/S102694520017510-2

### S. FREUD. AGGRESSION: BETWEEN EROS AND THANATOS

© 2021 V. N. Zhukov

*Lomonosov Moscow state University;  
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

*E-mail: pifagor2002@mail.ru*

Received 21.07.2021

**Abstract.** The article deals with the concept of aggression S. Freud. Aggression is shown as a biological phenomenon interacting with culture. According to Freud, biological phenomena (including human life) are permeated by two aspirations: the instinct of life and the instinct of death. The purpose of life is death, and life itself is a special case of inanimate matter. Aggression is a manifestation of the death instinct. Since the culture designed to restrain individual and mass aggression is itself permeated with both instincts (Eros and Thanatos), the outcome of the struggle between them is unknown.

**Key words:** Freud, psychoanalysis, Anthropology of Law, Philosophy of Culture, Philosophy of Law, Philosophy of Politics, aggression, instincts, power, law.

**For citation:** Zhukov, V.N. (2021). S. Freud. Aggression: between Eros and Thanatos // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 37–47.

Тема агрессии — одна из важнейших в социальной психологии, что вполне объяснимо. Революции, бунты, войны, преступность, насилие со стороны власти и масс всегда были в фокусе внимания общественного сознания и социальных мыслителей, поскольку несли с собой угрозу физическому существованию народов. Давно было замечено, что все перечисленные дестабилизирующие факторы объединялись общим признаком — индивидуальной и массовой агрессией. Объяснение агрессии предлагалось разное: религиозное, антропологическое, политико-экономическое. З. Фрейд развивает свою теорию агрессии в рамках антропологического подхода, видит ее природу в биологии и психологии человека. Свойства индивидуальной агрессии переносятся им на агрессию больших и малых коллективов. Поскольку государство и другие властные институты — разновидности коллективов, механизмы агрессии, открытые Фрейдом, всецело распространяются и на них.

**Принцип удовольствия и принцип реальности.** Исходные посылки теории агрессии Фрейда — принцип удовольствия и принцип реальности, лежащие, как он полагает, в основе поведения человека. Принцип удовольствия, по Фрейду, — господствующий в психической жизни человека, в его основе лежит изначально присущее человеческому организму бессознательное стремление к получению удовольствия. Принципу удовольствия противостоит принцип реальности, диктуемый требованиями внешнего мира и заставляющий индивида соотносить с ними свои запросы на получение удовольствия. Если принцип удовольствия отражает биологическую природу человека, то принцип реальности нацелен на социализацию личности. Человеческое «Я» формируется на основе ощущения индивидом неудовольствия, доставляемого внешним миром. «Я» оказывается инстанцией чистого удовольствия, которому противостоит чуждый и угрожающий ему внешний мир. Поначалу, рассуждает Фрейд, примитивное «Я» (ребенок) вбирает в себя весь мир, не проводя границы между собой и внешним миром и ощущая его как часть себя. В дальнейшем по мере накопления индивидуального опыта человек все более начинает разграничивать себя и противостоящий и угрожающий ему окружающий мир. «Границы такого примитивного “Я” — чистого удовольствия — исправляются под давлением опыта. Многие из того, что приносит удовольствие и от чего нельзя отказаться, принадлежит все же не “Я”, а “объекту”. И наоборот, многие страдания, от которых хотелось бы избавиться, неотделимы от “Я”, имеют внутреннее происхождение. Целенаправленная деятельность органов чувств и соответствующих умственных усилий учит человека методам различения внутреннего (принадлежащего “Я”) и внешнего, пришедшего из окружающего мира. Тем самым

он делает первый шаг к утверждению принципа реальности, который будет управлять дальнейшим его развитием. Такое различение, понятно, служит и практическим целям — защите от угрожающих неприятных ощущений»<sup>1</sup>. «Наше нынешнее чувство “Я” — лишь съездившийся остаток какого-то широкого, даже всеобъемлющего чувства, которое соответствовало неотделимости “Я” от внешнего мира»<sup>2</sup>. Поскольку, по Фрейду, в душевной жизни ничто, раз возникнув, не исчезает, все каким-то образом сохраняется, при определенных условиях (например, в случае далеко зашедшей регрессии) данный психический факт может вновь обнаружиться. В состоянии охватывающего человека чувства счастья инфантильное ощущение о связи с мировым целым может опять появляться.

Счастье, полагает Фрейд, и есть проявление принципа удовольствия. Обретение счастья становится целью и смыслом жизни людей, руководит всем их психическим аппаратом, подчиняет все их поведение. Есть две стороны стремления к счастью: 1) отсутствие боли и неудовольствия; 2) переживание сильного чувства удовольствия. Самое сильное для человека удовольствие, сильнейший опыт наслаждения — удовлетворение сексуального влечения (оргазм), что становится моделью, мерилом любой другой формы счастья. Программа принципа удовольствия вступает в противоречие с внешним миром, она неосуществима, но люди не могут отказаться от ее выполнения. Ничем не ограниченный принцип удовольствия быстро ведет к наказанию, а потому преобразуется в принцип реальности. Счастье (наивысшее удовольствие) возможно лишь как внезапное удовлетворение, как разрядка достигшей уровня высокого напряжения потребности. По своей природе счастье возможно только как эпизодическое явление. Длительность ситуации вызывает лишь чувство равнодушного довольства, счастье возможно только на контрасте с несчастьем. Несчастье имеет более широкую палитру своего проявления. Страдания угрожают с трех сторон (три источника несчастья): 1) со стороны собственного тела; 2) со стороны природы; 3) со стороны людей. В другом месте Фрейд говорит о двух источниках страдания (чувства неудовольствия): 1) смена принципа удовольствия принципом реальности, что является причиной лишь незначительной части чувства неудовольствия; 2) конфликт психики: первичные инстинкты, которые оказываются несовместимыми с другими первичными инстинктами, вытесняются в подсознание и затем предстают «Я» в виде суррогатного удовольствия, ощущаемого

<sup>1</sup> Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психологический анализ. Религия. Культура / сост. и вступ. сл. А.М. Руткевича. М., 1991. С. 69.

<sup>2</sup> Там же.

«Я» как неудовольствие. Чтобы облегчить несчастья, уклониться от неудовольствия, люди прибегают к различным средствам: а) наркотики; б) умерщвление влечений; 3) смещение целей либидо (научное творчество, труд, но последний слабо ценится людьми как путь к счастью); 4) создание иллюзий (искусство); 5) религия (является видом массового безумия, поскольку радикально порывает с принципом реальности); 6) бегство в невроз. Так, эстетика, занимаясь изучением прекрасного, вместо результатов предлагает «высокопарную и бессодержательную болтовню». Только в одном отношении можно понять природу прекрасного, утверждает Фрейд, — это выражение сексуальных ощущений<sup>3</sup>.

Механизм получения удовольствия, по Фрейду, строится на основе экономии либидо. Здесь он опирается на положение немецкого психолога Г.Т. Фехнера о стремлении индивидуальной психики к стабильности, постоянству. Согласно Фехнеру, при прямой зависимости между интенсивностью раздражителя и величиной субъективного ощущения порог ощущений всегда остается неизменным и в этом смысле стабильным. Организм и психический аппарат индивида, имея свой порог ощущений, не только не может его преодолеть, но стремится избежать кульминационных точек такого предельного возбуждения. Поскольку предельное возбуждение ведет к интенсивному расходованию психической энергии, принцип постоянства психического аппарата нацелен на ее экономию. Возникает противоречивая ситуация: с одной стороны, человек стремится к получению удовольствия в его предельных величинах, с другой — его психический аппарат нацелен на сохранение психической энергии, а потому предельное удовольствие (состояние счастья) всегда кратковременно. Кратковременность счастья есть своего рода защитный механизм, заложенный в биологии и физиологии человека. Иными словами, стремление к предельному удовольствию несет с собой угрозу психического истощения индивида. Фрейд говорит примерно о том же, но под углом зрения своей теории: «Психический аппарат стремится сохранить содержащееся в нем количество возбуждения на возможно низком уровне или по крайней мере в постоянном состоянии... Если работа психического аппарата направлена на количественное понижение возбуждения, то все, что его повышает, будет ощущаться как противное функции, т.е. как неудовольствие»<sup>4</sup>. Именно в этом смысле принцип

наслаждения выводится из принципа постоянства. Однако зависимость здесь не прямая. Наслаждение, как верно утверждает Фрейд, не является и не может являться постоянным состоянием психики, что, казалось бы, подвергает сомнению тезис о главенстве принципа удовольствия. Но в данном случае речь идет не о подрыве идеи главенства принципа удовольствия, а о здравом доводе, что принцип удовольствия всегда ограничивается другими влечениями человека и условиями внешнего мира. Принцип удовольствия, развивая свою мысль Фрейд, хотя и лежит в основе психики, изначально является для него опасным. «Под влиянием инстинкта самосохранения “Я” этот принцип сменяется принципом реальности, который, не отказываясь от конечного получения наслаждения, все же требует и проводит отсрочку удовлетворения, отказ от многих возможностей последнего, а также временное перенесение неудовольствия на долгий окольный путь к удовольствию. Принцип наслаждения затем еще долгое время остается методом работы сексуальных первичных позывов, которые труднее “воспитуемы”, и мы повторно встречаемся с фактом, что, может быть, под влиянием последних, а может быть, и в самом “Я” принцип наслаждения побеждает принцип реальности, принося вред всему организму»<sup>5</sup>.

Иными словами, принцип удовольствия хотя и определяющий в поведении человека, несет с собой угрозу существования индивида. Отсюда парадоксальная роль принципа реальности: с одной стороны, ограничивая стремление человека к получению удовольствия, он вроде бы выступает источником неудовольствия (несчастья), но, с другой — защищает человека от саморазрушения и угроз внешнего мира. В этом парадоксальном смысле Фрейд выдвигает одно из базовых в своей теории агрессии положений: стремление к удовольствию, заложенное самой природой, потенциально включает в себя стремление к смерти, а принцип реальности, призванный блокировать деструктивные с точки зрения общества инстинкты человека (т.е. бороться с самой природой), в конечном счете нацелен на защиту его жизни. Данную мысль можно выразить по-другому: если стремление к удовольствию, заложенное природой, чревато гибелью индивида, то стремление к реальности, являющееся требованием культуры и диктуемое инстинктом самосохранения, защищает и продлевает жизнь человека. Здесь возникает важнейшая для Фрейда тема конфликта природы и культуры. Культура, подавляя инстинкты человека, сдерживает его биологическую природу, т.е. борется с проявлением жизни. Вместе с тем эта борьба с жизнью оборачивается в т.ч. борьбой за жизнь, что и высвечивает извечную парадоксальную связь природы и культуры.

<sup>3</sup> См.: Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психологический анализ. Религия. Культура / сост. и вступ. сл. А.М. Руткевича. С. 76–84; *Его же*. По ту сторону принципа наслаждения // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет / пер. с нем.; предисл. Б.Р. Нанейшвили, Г.Б. Нанейшвили. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 142, 143.

<sup>4</sup> Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. С. 141.

<sup>5</sup> Там же. С. 142.

**Природа агрессии и инстинкт смерти.** Фрейд считает агрессию изначально самостоятельным инстинктом. Признание агрессии, рассуждает он, в качестве одного из основных инстинктов человека противоречило слишком многим религиозным и социальным условностям. Вера в доброту человеческой природы есть одна из худших иллюзий, от которых человек ожидает улучшения и облегчения своей жизни, в то время как в действительности они наносят только вред. Агрессия тормозит развитие культуры, угрожает самому ее существованию, что чревато распадом общества. Со своей стороны культура борется с агрессией, используя запреты и принуждение. Агрессия лежит в биологической природе человека, а не в институтах общества. В этой связи Фрейд критикует коммунистов, которые, как он полагает, выводят агрессию из частной собственности: «С уничтожением частной собственности человеческая агрессивность лишается одного из своих орудий, безусловно, сильного, но наверняка не сильнейшего. Ничего не меняется в различиях во власти и влиянии, которые предполагают использование агрессивности в своих целях. Не меняется и сущность агрессивности. Она не была создана собственностью, она царила почти безраздельно в древнейшие времена, когда собственность была еще жалкой»<sup>6</sup>. Социальные группы, осознавая неизбежность агрессии, дают возможность ее выхода, направляя на другие социальные группы. Это дает удобное и относительно безвредное удовлетворение агрессивности, способствующее солидарности между членами группы. В этом отношении евреи оказали большую услугу народам, в среде которых они проживают. Немецкие нацисты дополнили свою идею мирового господства антисемитизмом. Советские коммунисты создавали свою систему на основе идеи истребления капиталистов. Истребив их, Советы, предполагает Фрейд, скорее всего возьмутся за кого-нибудь еще<sup>7</sup>. У агрессии есть и положительное свойство: заторможенная по цели, а потому умеренная и усмиренная, она помогает человеку установить господство над природой и удовлетворить свои жизненные нужды.

Агрессивное влечение, убежден Фрейд, — потмок и главный представитель инстинкта смерти. Он связан с необычайно высоким уровнем нарциссического наслаждения: «Я» утоляет свое древнее желание всемогущества. Инстинкт смерти противоположен инстинкту самосохранения, направлен на разрушение социальных групп, стремится вернуть их в изначальное неорганическое состояние. Свою аргументацию Фрейд берет из биологии: все живое когда-то возникло из неживого и стремится вернуться в исходную точку своего развития. «Когда-то

в неживой материи каким-то еще совершенно невообразимым силовым воздействием были пробуждены свойства жизни. Может быть, это был процесс, примерно похожий на другой процесс, пробудивший позже в известном слое живой материи сознание. Возникшее тогда в до тех пор неживой материи напряжение стремилось уравновеситься; так был дан первый первичный позыв — возвращения в неживое. Жившая в те времена субстанция еще легко умирала; жизненный путь ее был еще, вероятно, краток, направление его предопределялось химической структурой молодой жизни. Возможно, что в продолжение долгого времени живая материя все снова создавалась и снова легко умирала, пока руководящие внешние воздействия не изменились настолько, что принудили оставшуюся в живых субстанцию к все более широким отклонениям от первоначального образа жизни и к все более сложным окольным путям достижения конечной цели — смерти»<sup>8</sup>. Фрейд исходит из предположения, что элементарный биологический организм с момента своего возникновения не стал бы меняться при неизменных условиях, стремясь неуклонно повторять сложившийся уклад жизни. Сила эволюционного развития хотя и навязала биологическим организмам новые элементы их существования, но не отменила главный закон их существования — стремление в исходную точку развития. Новизна условий их существования создавала ложное впечатление их стремления к изменению и прогрессу, тогда как объективно они лишь избирали новые пути к достижению старой цели — смерти. «Для консервативной природы первичных позывов, — рассуждает Фрейд, — было бы противоречием, если бы целью жизни было никогда до того не достигавшееся состояние. Скорее всего этой целью должно быть старое исходное состояние, когда-то живым существом покинутое и к которому оно, обходя все достижения развития, стремится возвратиться. Если мы признаем как не допускающий исключений факт, что все живое умирает, возвращается в неорганическое, по причине внутреннего, то мы можем лишь сказать, что цель всякой жизни есть смерть, и, заходя еще дальше, что неживое существовало прежде живого»<sup>9</sup>. «Все органические первичные позывы, — продолжает Фрейд, — консервативны, приобретенны исторически и направлены на регресс и восстановление прежнего»<sup>10</sup>. Влечения есть проявление стремления восстановить более раннее состояние. Когда достигнутое однажды состояние нарушается, возникает стремление создать его снова, рождая феномен «навязчивого повторения». Данный феномен наблюдается в природе: рыбы, идущие на нерест

<sup>6</sup> Фрейд З. Недовольство культурой. С. 108.

<sup>7</sup> См.: там же. С. 108, 109.

<sup>8</sup> Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. С. 168.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> Там же. С. 167.



в места, отдаленные от их обычного пребывания, перелетные птицы, эмбрионы, повторяющие фазы эволюции живого организма этого вида, репродукция утраченных органов у биологических организмов. Психика человека также подчиняется закону навязчивого повторения. Так, вытесненные и забытые переживания раннего детства воспроизводятся в сновидениях и поведении индивида.

Фрейд обращает внимание, что инстинкт смерти парадоксальным образом связан с инстинктом самосохранения и противоречит ему. В целом делается вывод, что жизнь — частный случай неживой материи, а инстинкт самосохранения — несущественный элемент всеобщего движения материи к смерти. Фрейд считает неразрешимой загадкой природы появление жизни и стремление организма вести борьбу за свое существование. Парадокс состоит в том, что, подчиняясь своей главной задаче — вернуться в исходное состояние, т.е. умереть, организм тем не менее изобретает все новые способы отсрочить момент своей гибели. Путь к смерти становится все длиннее при неизменности закона вечного возвращения в состояние неживого. Казалось бы, зародышевые клетки демонстрируют волю природы к вечной жизни (поскольку они обеспечивают бесконечный процесс биологического воспроизводства), однако все это есть лишь модификация всеобщего движения к смерти<sup>11</sup>.

Поскольку инстинкт смерти доминирует, жизнь не имеет внутреннего импульса к совершенствованию своих форм. У человека, утверждает Фрейд, нет инстинкта, который обеспечивал бы его совершенствование. Прогресс, создание культуры основываются исключительно на механизме сублимации, т.е. на вытеснении первичных позывов. «Вытесненный первичный позыв никогда не перестает стремиться к своему полному удовлетворению, которое состояло бы в повторении первичного опыта удовлетворения; все замены, выработки реакций и сублимации недостаточны, чтобы устранить его постоянное напряжение, и из разности между найденным и требуемым удовлетворением создается движущий момент, не позволяющий остановиться в какой бы то ни было из создавшихся ситуаций»<sup>12</sup>. Путь назад к полному удовлетворению, как правило, прегражден механизмом сопротивления и вытеснения. Индивиду не остается ничего другого, кроме движения в свободном еще направлении развития, но без перспективы завершить процесс и достигнуть цели. Кажущийся «инстинкт совершенствования», якобы присущий всем человеческим индивидам, наблюдается, например, при образовании невротической

фобии (попытка бегства от удовлетворения первичного позыва)<sup>13</sup>.

Одно из проявлений инстинкта смерти, по Фрейду, — доминирующее стремление психики к снижению и уничтожению внутреннего напряжения, вызванного раздражениями, к поддержанию постоянного психического равновесия и стабильности. Данная тенденция психической жизни — одна из сторон принципа удовольствия, а соответственно, сам этот принцип — частный случай инстинкта смерти. В конечном счете, делает вывод Фрейд, принцип удовольствия подчинен инстинкту смерти, выражает общее стремление перехода живой материи в неживую. Между инстинктом смерти и принципом удовольствия лежит цепочка логических звеньев. Поскольку общее характерное свойство инстинктов, рассуждает Фрейд, — стремление восстановить прежнее состояние, многие процессы психической жизни протекают независимо от принципа удовольствия и не противоречат ему. Одна из самых ранних и наиболее важных функций психики состоит в том, чтобы «связывать» инстинкты, переводить их из активного, открытого состояния в латентное. Во время этой трансформации индивид может не принимать во внимание чувство неудовольствия, но принцип наслаждения этим не упраздняется. Сама трансформация служит принципу удовольствия, т.к. связывание есть подготовительный акт, обеспечивающий господство принципа наслаждения. Принцип удовольствия призван освободить психический аппарат от всякого возбуждения вообще или же поддерживать возбуждение на постоянном или возможно низком уровне. В этом смысле принцип удовольствия участвует во всеобщем стремлении всего живущего вернуться к покою неорганического мира. Показательный пример — половой акт («величайшее доступное нам наслаждение», согласно Фрейду), удовольствие от которого связано с немедленным угасанием сильнейшего возбуждения. «Таким образом, связывание инстинктивного побуждения является предварительной функцией, которая prepares раздражение для его окончательного изживания в наслаждении разрядкой»<sup>14</sup>. Не связанные нормами культуры инстинкты вызывают гораздо более сильные ощущения удовольствия и неудовольствия, чем связанные инстинкты, удовлетворяемые опосредованным способом. Несвязанные инстинкты в начале человеческой истории (а они там преобладают) выражаются более интенсивно, чем на поздних ее стадиях, но их удовлетворение подвержено частым перебоям. В условиях насыщенной культуры удовлетворение инстинктов становится постоянным, но соблюдение запретов ослабляет ощущения. В обоих случаях присутствует

<sup>11</sup> См.: Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. С. 168–170.

<sup>12</sup> Там же. С. 172.

<sup>13</sup> См.: там же.

<sup>14</sup> Там же. С. 191.

стремление к снижению возбуждения, что свидетельствует о действии инстинкта смерти<sup>15</sup>.

**Инстинкт жизни и инстинкт смерти.** Согласно Фрейду, человек подчинен двум главным инстинктам — инстинкту жизни и инстинкту смерти, имеющим противоположные цели. Инстинкт жизни борется за наращивание и усиление всего живого, инстинкт смерти этому противодействует. Как было указано выше, инстинкт смерти доминирует и предопределяет действие инстинкта жизни. Хотя инстинкт жизни и борется за жизнь, объективная конечная цель всего живого — смерть. Бесконечный, казалось бы, процесс воспроизводства биологической жизни самой себя есть всего лишь частный случай тотального господства неживой материи. Важнейшее проявление инстинкта жизни — сексуальность, стремление к продолжению рода, отсюда почти отождествление инстинкта жизни и сексуального инстинкта. Инстинкт смерти проявляется главным образом в агрессии, задача которой — переводить живую материю в неживую. Таким образом, Фрейд предлагает две пары почти тождественных инстинктов: инстинкт жизни (сексуальный инстинкт) и инстинкт смерти (инстинкт агрессии). Сексуальный инстинкт включает в себя инстинкт самосохранения. Инстинкт жизни он часто называет Эросом, инстинкт смерти — Танатосом<sup>16</sup>, в силу природы вещей второе призвано одержать победу над первым. Притом что Танатос должен победить, в условиях культуры Эрос может смягчить или предотвратить социальные катаклизмы. Оба инстинкта не следует оценивать как добро и зло, они необходимы и связаны между собой, действуют в единстве. Инстинкт жизни и инстинкт смерти не выступают по отдельности, они сплавлены в различные изменчивые сочетания, а потому неузнаваемы для человеческого взгляда. Все инстинкты человека так или иначе являются сочетанием Эроса и агрессии. Особенно сильно соединение обоих инстинктов представлено в садизме и мазохизме. Определенная примесь обоих стремлений присуща нормальным сексуальным отношениям, если садизм и мазохизм отнесены к сексуальным целям, возникает извращение. Оба инстинкта одновременно демонстрируют сексуальное удовольствие и агрессию: садист получает удовольствие, причиняя боль сексуальному партнеру, мазохист получает удовольствие от причинения боли самому себе со стороны своего партнера. Садист проявляет внешнюю агрессию, мазохист — внутреннюю, на самого себя, и оба испытывают сексуальное удовольствие. Садизм и мазохизм

выходят далеко за рамки сексуальных отношений и находят свое выражение во многих сферах общественно-политической жизни, например, в войне или инквизиции, где люди получают удовольствие от разрушения и насилия<sup>17</sup>.

Инстинкты жизни и смерти переплетены и тесно взаимодействуют. Оба инстинкта консервативны, стремятся к восстановлению состояния, нарушенного возникновением жизни. Появление жизни имело двойное следствие: она одновременно запустила механизм собственного воспроизводства и своего стремления к смерти. Биологические организмы стали предметом борьбы и компромисса между этими двумя влечениями. Инстинктам жизни и смерти соответствует свой физиологический процесс (рост и распад), в каждой биологической субстанции действуют оба первичных влечения, но в неравных долях: на этапе роста преобладает Эрос, на этапе распада — Танатос. В результате соединения одноклеточных организмов в многоклеточные нейтрализуется инстинкт смерти отдельной клетки, а организм целиком переводит агрессию (инстинкт смерти) на внешний мир. Инстинкт смерти (агрессия) имеет двойственный характер: отчасти он направлен против внешнего мира, что означает стремление к самосохранению (т.е. служит инстинкту жизни), отчасти — направлен против «Я». На первый взгляд инстинкт смерти может показаться деструктивным, но это далеко не так. Живое существо, проявляя агрессию и разрушая при этом чужую жизнь, сохраняет при этом свою собственную. Деструктивность, направленная вовне, оказывается благом для индивида, от которого исходит агрессия. Агрессия не может полностью перейти на внешний мир, какая-то ее часть всегда направлена на самого индивида, что имеет как позитивные, так и негативные следствия. Так, инстинкт агрессии, направленный внутрь человека, рождает совесть. Однако агрессия, полностью направленная внутрь человека, опасна для здоровья, грозит серьезной психической патологией. Поэтому агрессия должна найти внешнее проявление и разгрузить психическую энергию, что способствует психическому здоровью. В этом отношении агрессия биологически оправдана. Агрессивный инстинкт стоит ближе к природе, чем сопротивление ему со стороны человека. Если агрессия, направленная вовне, встречает препятствия, она начинает обращаться на самое «Я», разрушая его. Ограничение внешней агрессии усиливает агрессию внутрь человека, что ведет к саморазрушению индивида. Отсюда Фрейд делает вывод: чтобы избежать саморазрушения, человек должен проявлять

<sup>15</sup> См.: Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. С. 190–192.

<sup>16</sup> В древнегреческой мифологии Эрос — Бог любви, Танатос — Бог смерти. Слово «Эрос» Фрейд часто использует в своих текстах, слово «Танатос», по воспоминаниям современников, употреблял устно, в беседах.

<sup>17</sup> См.: Фрейд З. Недовольство культурой. С. 112, 113; *Его же*. Почему война? // Фрейд З. Психопсихология. Религия. Культура / сост. и вступ. сл. А.М. Руткевича. С. 264, 265; *Его же*. Введение в психоанализ: лекции. М., 1991. С. 366.

внешнюю агрессию. «Поистине печальное открытие для моралиста!», — восклицает он<sup>18</sup>.

Оба инстинкта, по Фрейду, не только смешаны, но также имеют тенденцию к распаду на первоначальные. Так, при нормальных сексуальных отношениях садизм гармонично уравнивается мазохизмом, в случае распада садизм выделяется в самостоятельный компонент, доводя сексуальность до крайности и переводя ее в состояние патологии. Следствием распада инстинктов на первоначальные являются также тяжелые формы невроза (например, эпилепсия). В целом данный распад свидетельствует о психической деградации личности (например, от генитальной до садистически-анальной фазы) и наоборот: соединение этих инстинктов воедино означает прогрессивное развитие личности, гармонизацию ее внутренней и внешней жизни. Преобладание в какой-то момент в биологическом организме Эроса ведет к созданию напряженности, что воспринимается как неудовольствие, и только разрядка напряжения (т.е. действие Танатоса) переводит самочувствие организма в состояние удовлетворенности. «Извержение сексуальной материи в сексуальном акте до известной степени соответствует разделению сомы и зародышевой плазмы. Отсюда сходство состояния после полного сексуального удовлетворения с умиранием, а у низших животных — совпадение смерти с актом зарождения. Эти существа умирают при размножении, поскольку после выключения Эроса путем удовлетворения инстинкт смерти получает полную свободу осуществления своих намерений»<sup>19</sup>. Итак, господство Эроса ведет к рождению биологического организма, преобладание Танатоса заканчивается его смертью, и только относительно гармоничное смешение двух инстинктов обеспечивает относительно продолжительное и благополучное функционирование организма.

**Чувство вины, «Сверх-Я» и агрессия.** Согласно Фрейду, человек проявляет агрессию двух видов: внешнюю (к внешнему миру) и внутреннюю (в отношении себя). Оба вида агрессии взаимосвязаны, что напоминает закон сохранения энергии. Источник агрессии — биология человека, ее уровень неизменен при сохранении основных психофизических параметров индивида и складывается из суммы сил внутренней и внешней агрессии. Если в целом уровень агрессии индивида неизменен, то соотношение внутренней и внешней агрессии может меняться: усиление внешней агрессии снижает внутреннюю и наоборот. Диспропорции данной взаимосвязи опасны. Если у индивида преобладает внешняя агрессия — страдает общество,

доминирование внутренней агрессии чревато неврозом. Тот же механизм, по Фрейду, работает в человеческих коллективах (малые социальные группы, классы, народы, человечество).

Для первобытного человека по большей части свойственна внешняя агрессия, поскольку нормы культуры еще только формируются. Человек как биологический организм не различает добра и зла. Зло часто не вредно и не опасно для «Я», напротив, оно бывает для него желанным и приносящим удовольствие. Представления о добре и зле возникают благодаря воздействию общества, а именно страх утратить любовь (защиту) с его стороны. Люди постоянно позволяют себе приятное им зло, если за это не наступает наказания. Эдипов комплекс и акт отцеубийства рождают чувство вины, что является, по сути, разновидностью страха перед внешним авторитетом, властной инстанцией. В детстве этой инстанцией выступают родители, позднее — общество в лице его прямых и сублимированных представителей (власть, Бог, судьба и т.п.). Вина возникает как следствие отказа от влечений, становится компенсацией за преступные помыслы. Индивид воспринимает свои влечения в качестве посягательства на внешний авторитет, от которого исходят запреты, чувство вины становится расплатой за это посягательство. Чувство вины рождает совесть — важнейшую функцию «Сверх-Я», а само «Сверх-Я» формируется как бессознательное требование властной инстанции и становится внутренним цензором. Таким образом, вина имеет два источника: первоначальный страх перед авторитетом и позднейший страх перед «Сверх-Я», первый заставляет отказываться от удовлетворения инстинктов, второй еще и наказывает.

Возникновение «Сверх-Я» — поворотный пункт в формировании внутренней агрессии. С появлением «Сверх-Я» отпадает страх перед разоблачением помыслов нарушить запрет и исчезает различие между злодеянием и злым умыслом, т.к. от «Сверх-Я» ничего не скроешь, даже мысли. При этом резко снижается и серьезность угрозы наказания, т.к. «Сверх-Я» — часть самой личности. Однако страх наказания со стороны внешнего мира никуда не уходит и продолжает мучить «Я». «Чувство вины возникает, несмотря на отказ, и в этом огромный экономический убыток введения “Сверх-Я” или, так сказать, совести. Отказ от влечений уже не освобождает, добродетельная умеренность не вознаграждается гарантией любви. Человек поменял угрозу внешнего несчастья — утраты любви и наказания со стороны внешнего авторитета — на длительное внутреннее несчастье, напряженное сознание виновности»<sup>20</sup>. Здесь у совести обнаруживается черта, которая была ей чужда на стадии ее формирования: чем

<sup>18</sup> См.: Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. С. 365.

<sup>19</sup> Фрейд З. «Я» и «Оно». С. 381.

<sup>20</sup> Фрейд З. Недовольство культурой. С. 119.



добродетельнее человек, тем суровее и подозрительнее делается совесть. Такая зависимость наглядно представлена у религиозных деятелей, дальше других зашедших по пути святости. «Святые имели право представлять себя грешниками, сославшись на искушения: стремлению удовлетворять инстинкты они подвержены сильнее других, искушения растут при постоянном от них отречении, тогда как после удовлетворения они хотя бы на время ослабевают»<sup>21</sup>. Формированию высоконравственной, строгой этики («Сверх-Я») способствуют несчастья. Их отсутствие воспринимается как добросовестное исполнение индивидом своих обязанностей перед внешней инстанцией, от которой он считает себя зависимым. Наступление несчастий заставляет индивида поверить в свою греховность, проистекающую, как ему представляется, из нарушения взятых на себя обязательств, он берет на себя тяжелые обеты и начинает каяться. Данный механизм свойствен целым народам, например, древним евреям. «Народ Израиля полагал себя избранным сыном Божиим, и пока величественный отец слал своему народу несчастья за несчастьями, народ не роптал и не сомневался в могуществе и справедливости Божьей, но выдвигал пророков, которые порицали его за греховность. Из сознания своей виновности он сотворил непомерно суровые предписания своей жреческой религии»<sup>22</sup>. Человек в условиях первобытной культуры, когда «Сверх-Я» еще только формируется, ведет себя иначе: «Когда с ним случается несчастье, он винит не себя, а свой фетиш, который не справился со своими обязанностями — и вместо того чтобы корить себя подвергает его порке»<sup>23</sup>.

Итак, формирование «Сверх-Я» и вытекающей из него внутренней агрессии начинается с чувства вины, диктуемого страхом наказания со стороны внешнего авторитета. Чувство вины рождает совесть, «Сверх-Я», которое уравнивает злодеяние и злой умысел и рождает потребность в наказании. Стремление к наказанию индивидом самого себя становится формой внутренней агрессии. В данном случае агрессия совести консервирует агрессию внешнего авторитета. Хотя поначалу совесть (вернее, страх, который потом станет совестью) была первопричиной отказа от влечений, впоследствии отношение переворачивается. Каждый новый отказ становится дополнительным источником совести, усиливая ее строгость и нетерпимость. Совесть есть следствие отказа от влечений; отказ от влечений (навязанный человеку извне) создает совесть, которая затем требует все нового отказа от влечений. Иными словами, отказ от внешней агрессии перехватывается «Сверх-Я», направляя и усиливая агрессию против «Я». Отношение между

«Сверх-Я» и «Я» есть перевернутое желанием индивида отношение между еще не расщепившимся «Я» (ребенком) и внешним объектом. Сначала совесть возникает посредством подавления агрессии, затем она усиливается благодаря новым актам подавления. Страх перед внешним авторитетом и потребность в наказании — это инстинкт «Я», проявляющий себя в потребности мазохизма под влиянием садистического «Сверх-Я». Здесь «Я» употребляет часть имеющегося у него внутреннего деструктивного влечения для установления эротической связи со «Сверх-Я». Таким образом, отказ от внешнего садизма оборачивается садизмом внутренним, обращенным на «Я», а в самом «Я» рождается потребность в мазохизме. Отказ от удовольствия, получаемого благодаря внешней агрессии, заменяется удовольствием от самоистязания. На этой почве формируется невроз, за которым всегда кроется доля бессознательного чувства вины, требующего наказания. Чем сильнее влечения, тем сильнее чувство вины и потребность в наказании (внутренней агрессии) и, соответственно, тем глубже психическая патология<sup>24</sup>.

**«Я» между Эросом и Танатосом.** Инстинкты жизни и смерти, садизм и мазохизм, любовь и агрессия — все эти пары, по Фрейду, действуют во взаимосвязи, переплетаются, создавая причудливые, невидимые глазу конфигурации. Он пытается показать, что, хотя эти явления логически разъединены, в действительности они существуют во взаимных переходах. Порой трудно определить, где заканчивается действие инстинкта жизни и в свои права вступает инстинкт смерти, при каких условиях любовь выступает уже как агрессия, а садизм трансформируется в мазохизм и наоборот. Доказательство такого взаимного перехода Фрейд усматривает в зависимости, существующей между «Я», «Оно» и «Сверх-Я». Два последних компонента психики относятся к сфере бессознательного, «Я» оказывается зажатом между ними. «Я» — это несчастное существо, испытывающее угрозу со стороны внешнего мира, «Оно» и «Сверх-Я». «Оно» — источник жизни, резервуар энергии и инстинктов. Казалось бы, это явное проявление Эроса, но, требуя бесконечного удовольствия и насыщения, Эрос вступает в конфликт с принципом реальности. Игнорирование принципа реальности чревато гибелью индивида. В этом смысле «Оно» таит в себе угрозу смерти, т.е. выступает агентом Танатоса. «Я», понимая амбивалентность «Оно», вынуждено ограничивать его требование получать удовольствия. Индивид, блокируя требования «Оно», внешне борется с жизнью, хотя на самом деле защищает ее от разрушительного воздействия «Оно». Таким образом, «Оно» одновременно несет с собой и жизнь, и смерть. Примерно такая же амбивалентность наблюдается со «Сверх-Я», которое одновременно борется за жизнь и является агентом смерти. «Сверх-Я»

<sup>21</sup> Фрейд З. Недовольство культурой. С. 118.

<sup>22</sup> Там же. С. 119.

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> См.: там же. С. 120, 121, 126, 129.



есть требование авторитетной инстанции (в детстве это — родители, позднее — общество в лице его властных институтов), представленной индивиду в бессознательной форме. Назначение «Сверх-Я» — социализация личности, формирование ее способности жить в условиях коллектива. «Сверх-Я» — это своего рода проявление инстинкта самосохранения, требующего приспособиться к нормам культуры. «Сверх-Я», выступая агентом культуры, борется вместе с ней за выживание коллектива, а с ним — и самого индивида. В этом проявляется действие Эроса. Вместе с тем задача «Сверх-Я» состоит в том, чтобы подавить инстинкты («Оно»), воспринимаемые коллективом как опасные для него. Особенность действия «Сверх-Я» — постоянное усиление своих требований в отношении «Я». Чувство вины, создав «Сверх-Я», впоследствии становится объектом давления со стороны «Сверх-Я»; вина, получив новый импульс от «Сверх-Я», заставляет последнее ужесточать свои требования в отношении «Я» и так все далее по восходящей спирали. Закончиться данный процесс может полным подавлением «Оно», а с ним — самой жизни. В данном случае также можно констатировать, что «Сверх-Я» одновременно пронизано силами Эроса и Танатоса. Если Эрос, по Фрейду, тождествен любви, а Танатос — агрессии, то очевидно, что любовь и агрессия сосуществуют и действуют в необходимом единстве.

Согласно Фрейду, агрессия, осуществляемая «Сверх-Я» в отношении «Я», проявляется, в частности, в страхе смерти, который предстает в виде либо страха перед внешним миром, либо невротического страха (исходит от действия либидо («Оно»)). Природа этого страха лежит, с его точки зрения, в Эдиповом комплексе и комплексе кастрации. Поскольку совесть («Сверх-Я») первоначально формируется как страх перед отцом (именно он грозит кастрацией ребенку), агрессия в виде страха смерти со стороны «Сверх-Я» есть превращенный страх кастрации. Данный генезис страха смерти наглядно наблюдается в неврозе, в частности в меланхолии. «Страх смерти при меланхолии допускает лишь одно объяснение, а именно — что “Я” отказывается от самого себя, так как чувствует, что “Сверх-Я” его ненавидит и преследует вместо того, чтобы любить. Следовательно, для “Я” жизнь означает то же, что быть любимым, быть любимым со стороны “Сверх-Я”, которое и здесь проявляет себя представителем “Оно”. “Сверх-Я” выполняет ту же защитную и спасающую функцию, как раньше отец, позднее — провидение или судьба. Но тот же вывод должно сделать и “Я”, находясь в огромной реальной опасности и преодолеть которую собственными силами оно считает невозможным. “Я” видит, что оно покинуто всеми охраняющими силами и позволяет себе умереть. Это, впрочем, та же ситуация, что стала подосновой первого великого страха рождения и инфантильной тоски страха, — страха разлуки

с оберегающей матерью»<sup>25</sup>. Таким образом, Фрейд ставит в один логический ряд страх кастрации, страх совести, страх смерти, и все это объективно выглядит как агрессия «Сверх-Я» в отношении индивида.

**Репрессивная роль культуры и агрессия.** Согласно Фрейду, смысл культурного развития состоит в борьбе Эроса и Танатоса, эта борьба — сущность и содержание жизни вообще, а потому культурное развитие можно считать борьбой человеческого рода за выживание. Если исходить из базовых тезисов основателя психоанализа, изложенных выше, данное утверждение выглядит весьма спорным. Поскольку Эрос и Танатос взаимосвязаны, переплетены (как полагает Фрейд), культура есть одновременное проявление Эроса и Танатоса. С одной стороны, культура нацелена на поддержание жизни (действие Эроса), с другой — на блокирование инстинктов, т.е. самой жизни, и в этом качестве она представляет Танатоса. Культура, подавляя внешнюю агрессию, направляет ее внутрь человека благодаря сформированному ею «Сверх-Я». Особенность данного механизма состоит в том, что он неуклонно ведет к усилению влияния культуры и все большему подавлению инстинктов, т.е. к разрушению психологического равновесия в пользу агрессии либо внутренней, либо внешней.

Источник такого дисбаланса Фрейд усматривает в чувстве вины, появившемся еще в первобытной орде в результате акта отцеубийства. «Раскаяние было результатом изначальной амбивалентности чувств по отношению к отцу: сыновья его ненавидели, но они его и любили. После удовлетворения ненависти в агрессии любовь проявилась как раскаяние за содеянное, произошла идентификация “Сверх-Я” с отцом. Как бы в наказание за агрессивное деяние против отца его власть получило “Сверх-Я”, устанавливающее ограничения, налагающее запреты на повторение деяния. Склонность к агрессии против отца повторялась и в последующих поколениях, а потому сохранялось и чувство вины, усиливавшееся всякий раз при подавлении агрессии и перенесении ее в “Сверх-Я”»<sup>26</sup>. Таким образом, любовь рождает чувство вины и совесть, а точнее, вина возникает в результате конфликта любви (Эроса) и ненависти (Танатоса): ведь если бы не было ненависти и отцеубийства, не появилось бы чувство вины. Конфликт Эроса и Танатоса разрастается по мере перехода человечества от первобытной семьи к более крупным коллективам (племя, этнос, нация), что усиливает чувство вины и требования со стороны «Сверх-Я». Чем больше человеческий коллектив, тем сильнее должно быть чувство вины. Современные цивилизованные народы, по логике Фрейда, существуют только благодаря живущему внутри них чувству вины, достигну

<sup>25</sup> Фрейд З. «Я» и «Оно». С. 392.

<sup>26</sup> Там же. С. 123.

сверхсильного влияния. Чувство вины, достигающее таких высот, заключает он, становится невыносимым для индивида.

Чувство вины, по Фрейду, — важнейшая проблема развития культуры. Рост чувства вины и убывание счастья — плата за культурный прогресс. «Сверх-Я», рассуждает Фрейд, есть своеобразное ядро культуры, нацеленное на подавление агрессии — самого серьезного препятствия на пути развития культуры. Но, подавляя агрессию, «Сверх-Я» подавляет саму жизнь, делает человеческое существование ущербным. Отсюда — новая задача культуры: ослабление многих ее норм как заведомо невыполнимых. «Сверх-Я», полагает Фрейд, не заботится о счастье «Я», не принимает во внимание ни сопротивления исполнению заповедей, ни силу влечений «Оно», ни трудности, исходящих от внешнего мира. «Сверх-Я» игнорирует душевную конституцию индивида, исходя из предположения, будто «Я» способно выполнить все требования культуры и управлять своим «Оно». Такая установка, по Фрейду, — заблуждение, т.к. у обычного индивида власть над «Оно» не поднимается выше определенного уровня. Если от него требуют большего, то он либо взрывается бунтом, либо уходит в невроз, либо становится глубоко несчастным. В этой связи Фрейд подвергает критике известную христианскую заповедь (она же — одно из важнейших требований «Сверх-Я»): возлюби ближнего твоего как самого себя. Заповедь, с его точки зрения, не просто неисполнима, она ведет к росту агрессивности и снижает ценность любви. «Тому, кто последует такому предписанию в рамках современной культуры, придется нести убытки в пользу того, кто с ними не считается. <...>. Сколь же сильным, — восклицает Фрейд, — должно быть выдвинутое культурой против агрессивности средство защиты, если последнее способно делать людей не менее несчастными, чем сама агрессивность!»<sup>27</sup>. В качестве компенсации за утрату счастья этика «Сверх-Я» предлагает суррогат удовольствия в виде вознаграждения за способность быть высокоморальным. Фактически такой подход предлагает нарциссическое удовлетворение — считать себя выше других. Нравственные и религиозные проповеди, заключает Фрейд, тщетны, добродетель должна вознаграждаться на земле, а изменение отношений собственности принесет больше пользы, чем любая этическая заповедь<sup>28</sup>.

При всех реверансах в адрес культуры Фрейд весьма скептически оценивает ее возможности противостоять агрессии, поскольку сама культура продуцирует агрессию. Он считает вредным предрассудком утверждение, что культура является самым ценным достоянием человечества и ведет к «невиданному

совершенствам». Все усилия культуры не стоят затраченного труда, утверждает Фрейд, если итогом будет невыносимое для индивида состояние. Культура, подавляя животность человека, существенно деформирует сексуальный инстинкт, мешает его естественному проявлению. Этот процесс сравним с приручением животных и ведет к телесным изменениям. Культура меняет психику, смещая инстинктивные цели и ограничивая инстинкты: «Ощущения, доставлявшие наслаждение нашим далеким предкам, стали для нас безразличными или даже невыносимыми»<sup>29</sup>. Культура стремится подчинить инстинкты разуму, что ведет к интернализации агрессии, т.е. переводу ее из внутренней во внешнюю. Культура — источник не только индивидуального, но и коллективного невроза, невротизации подвержены целые народы и исторические эпохи. Однако есть существенное различие между индивидуальным и коллективным неврозом: в случае с первым имеется образец, норма, во втором — представление о норме отсутствует. Терапевтическое воздействие на массу также затруднительно, поскольку невозможно найти личность с таким авторитетом, которая смогла бы заставить массы лечиться<sup>30</sup>.

Наиболее тяжелое следствие невротического воздействия культуры, по Фрейду, — война, о которой он высказывается двойственно и противоречиво. С одной стороны, культура, социализируя индивид, массы, заставляет их возмущаться войной. Культура, будучи средством борьбы с природой за физическое выживание, призвана бороться за мир, т.к. война несет с собой смерть. Поскольку культура повышает ценность человеческой жизни, ее цель — мир. С другой стороны, культура естественным образом включает в себя агрессию, которая необходима, чтобы бороться с природой и социальными конфликтами. Культура есть сублимация влечений, в т.ч. агрессии, а потому между культурой и агрессией существует прямая связь. Культура, появившись благодаря агрессии, нуждается в ней как некоей природной энергии. Культура имманентно несет с собой инстинкт смерти, борясь с ним, люди борются с самой культурой. Поскольку инстинкт смерти — своего рода закон мирового бытия, люди не в силах его устранить, а потому война неизбежна. Если жизнь — частный случай неживой материи, если цель жизни — смерть, уверен Фрейд, война и гибель всего живого есть закономерный и неизбежный финал человеческой истории. Психология индивидов также способствует войне. Война — естественное следствие подавления влечений. Коллектив и природа, заставляя индивида отказываться от принципа удовольствия и руководствоваться принципом реальности, накапливают в индивиде агрессию, которая раньше или позже должна вырваться наружу.

<sup>27</sup> Фрейд З. Недовольство культурой. С. 132.

<sup>28</sup> См.: там же. С. 132, 133.

<sup>29</sup> Фрейд З. Почему война? С. 269.

<sup>30</sup> См.: Фрейд З. Недовольство культурой. С. 133.

Рассуждая о Первой мировой войне, Фрейд отмечает, что «кучке бессовестных карьеристов и соблазнительных не удалось бы сделать столько зла, если бы миллионы идущих за вожаками не были соучастниками преступления»<sup>31</sup>. Война позволяет массам развязывать свои разрушительные инстинкты и получать от этого удовольствие. Фрейд не верит в возможность длительного мира и создания мирового правительства, способного его установить. Объединение народов и государств с помощью идей — утопия, как показывает опыт войн между, например, эллинами или христианскими народами. Единственная возможность как-то повлиять на предотвращение войны — использовать механизмы психики. Поскольку агрессия неуничтожима, надо попытаться изменить ее направленность и максимально использовать инстинкт жизни для установления более тесных эмоциональных связей между людьми. Такие связи могут быть двоякого рода: первое — это любовь даже при отсутствии сексуальной цели; второе — идентификация: отождествление человеком самого себя с другими людьми.

\* \* \*

В конечном счете Фрейд признает, что исход борьбы между Эросом и Танатосом неизвестен. Перед человечеством постоянно будет стоять роковой вопрос: удастся ли (и в какой мере) культуре обуздать влечение к агрессии и самоуничтожению? Фрейд как гуманист и сторонник просвещения старается выступать здесь не пессимистом, а скептиком. Вместе с тем очевидно, что его теория агрессии, в целом вся его философия культуры не оставляют шансов человечеству на выживание. Инстинкты жизни и смерти, повторим за Фрейдом, — это не добро и зло, а органичные, необходимые, взаимосвязанные, переходящие друг в друга элементы всего живого. Жизнь несет с собой смерть, являясь ее частным случаем.

<sup>31</sup> Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. С. 91.

#### Сведения об авторе

##### ЖУКОВ Вячеслав Николаевич —

доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; эксперт РАН

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М., 1991. С. 91, 365, 366.
2. Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / сост. и вступ. сл. А.М. Руткевича. М., 1991. С. 69, 76–84, 108, 109, 112, 113, 118–121, 126, 129, 132, 133.
3. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет / пер. с нем.; предисл. Б.Р. Нанейшвили, Г.Б. Нанейшвили. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 141–143, 167–170, 172, 190–192.
4. Фрейд З. Почему война? // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / сост. и вступ. сл. А.М. Руткевича. М., 1991. С. 264, 265, 269.
5. Фрейд З. «Я» и «Оно» // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет / пер. с нем.; предисл. Б.Р. Нанейшвили, Г.Б. Нанейшвили. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 123, 381, 392.

#### REFERENCES

1. Freud S. Introduction to psychoanalysis: lectures. M., 1991. P. 91, 365, 366 (in Russ.).
2. Freud S. Dissatisfaction with culture // Freud S. Psychoanalysis. Religion. Culture / comp. and introduction by A.M. Rutkevich. M., 1991. P. 69, 76–84, 108, 109, 112, 113, 118–121, 126, 129, 132, 133.
3. Freud S. On the other side of the pleasure principle // Freud S. "I" and "It". Works of different years / transl. from German; foreword by B.R. Naneishvili, G.B. Naneishvili. Tbilisi, 1991. Book 1. P. 141–143, 167–170, 172, 190–192 (in Russ.).
4. Freud S. Why the war? // Freud Z. Psychoanalysis. Religion. Culture / comp. and introduction by A.M. Rutkevich. M., 1991. P. 264, 265, 269 (in Russ.).
5. Freud S. "I" and "It" // Freud S. "I" and "It". Works of different years / transl. from German; foreword by B.R. Naneishvili, G.B. Naneishvili. Tbilisi, 1991. Book 1. P. 123, 381, 392 (in Russ.).

#### Authors' information

##### ZHUKOV Vyacheslav N. —

Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of theory of state and law and political science of the faculty of law at Lomonosov Moscow state University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; chief researcher of the Department of Philosophy of Law, history and theory of the state and law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; RAS expert